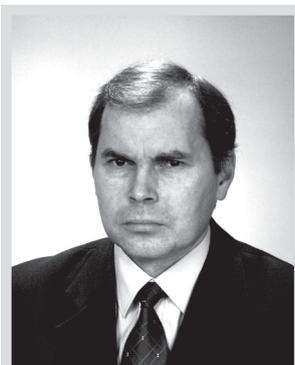

УДК 3166.631.115.1

**Религиозные факторы развития предпринимательства
(на материалах опроса студенческой молодежи Республик Марий Эл и Татарстан)****Тюленев А.И.**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного технологического университета
(Йошкар-Ола)

Валеева А.Ф.

Доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Сафиуллина Ф.Р.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

В статье представлены и подвергнуты анализу данные пилотажных исследований, проведенных в ноябре–декабре 2023 г. Объектом исследований стала студенческая молодежь Поволжского государственного технологического университета и Казанского кооперативного института. Предметом – взаимосвязь между предпринимательством и распространенными в Республиках Марий Эл и Татарстан православием, исламом, католицизмом, протестантизмом и старообрядчеством. Основным результатом анализа стал вывод о недостаточной осведомленности участников опроса относительно характера и степени влияния религиозных доктрин и практик на предпринимательскую деятельность, в частности, на становление и развитие формально-рационального предпринимательства.

Ключевые слова: религиозные доктрины и практики, предпринимательство, формально-рациональная предпринимательская активность

Отправной точкой замысла настоящей статьи послужил тезис М. Вебера, обоснованный в «Протестантской этике и духе капитализма». Суть этого тезиса состоит в том, что протестантизм создал мировоззренческие предпосылки для институциона-

лизации рационального способа ведения хозяйства, в первую очередь для внедрения в экономическую практику достижений науки, вследствие чего последняя превратилась в непосредственную производительную силу. Случилось это благодаря тому, что

экономический успех был возведен протестантской этикой в ранг религиозного призвания [1, с. 23].

Термин «религиозные факторы» использован для того, чтобы охватить комплекс основных компонентов религии как социального института. А именно: определенную систему взглядов, в основе которых лежит вера в сверхъестественное, совокупность моральных ценностей и норм, обрядов, культовых практик, а также объединение верующих в некоторую общину, деноминацию или церковь [2].

Применение термина «религиозные факторы» позволяет также, хотя бы косвенно, подчеркнуть мысль, что нынешнее российское студенчество по своей этнической и конфессиональной структуре неоднородно, включает в себя носителей различных религиозных представлений.

Почему в качестве объекта исследования выбрана студенческая молодежь? В известной степени на этот выбор повлияло знакомство с классическим исследованием в области проблем современной личности, осуществленное в 70-х гг. XX в. в рамках Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Объектом исследования стала молодежь шести развивающихся стран, а одним из результатов построение А. Инкелесом и Д. Смитом «модели современного человека». В числе черт, присущих современной личности, оказались, в частности, одобрение плюрализма мнений, включая мнения религиозного характера, а также готовность принять «новый тип обучения молодежи» [3, с. 109].

Поясним также, что широкий ракурс видения и анализа проблемы восприятия студенческой молодежью религии как фактора, обуславливающего процесс развития предпринимательства в направлении рационализации или, по Веберу, формальной рационализации деловой активности, взят не случайно. Ранее проведенные исследования близкой проблематики в числе прочего выявили недостаточную осведомленность респондентов в сути веберовской концепции определяющей роли протестантской этики в становлении и развитии формально-рационального предпринимательства в Западной Европе и Северной Америке [4; 5].

Итак, объектом исследования стали студенты двух вузов, Поволжского государственного технологического университета (далее – ПГТУ) и Казанского кооперативного института (далее – ККИ). Целью – сравнительный анализ мнений представителей студенческой молодежи Республик Татарстан (далее – РТ) и Марий Эл (далее – РМЭ). Объем выборки составил 100 единиц (по 50 чел. от каждой республики или, точнее, от каждого из поименованных вузов). Тип (способ) выборки определен как простая случайная, поскольку пред-

ставители обследованных групп студенческой молодежи функционируют в условиях полиэтничной и многоконфессиональной среды и, соответственно, имеют равный доступ к интересующей нас информации. Проведенное исследование отнесем к виду пилотажных (разведывательных), отсюда небольшой размер выборочной совокупности. Методы – опрос анкетный аудиторный и интернет-опрос.

Полученные данные представим на рисунках 1–5.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на рисунок 1, весьма существенная разница в оценке стимулирующего развития предпринимательства ресурса православия респондентами РТ и РМЭ. Вариант определенного ответа «да» выбрали 58 % татарстанских респондентов и только 14 % марийских. Делаем вывод, что парадокс в значительной степени следует объяснять большей категоричностью татарстанских респондентов, убежденных в правильности собственных взглядов сильнее участников опроса из Марий Эл.

Как бы то ни было, по ходу размышлений над этим кажущимся или действительным парадоксом зададимся вопросом, какой термин корректнее употреблять в качестве синонима к понятию «ресурс» – потенциал или капитал? Потенциал предполагает наличие скрытых возможностей какого-либо ресурса, в то время как капитал указывает на вовлеченность этого ресурса в реальный процесс, в нашем случае в процесс стимуляции предпринимательской деятельности. В смысле рационализации этой деятельности или, по М. Веберу, формальной рационализации, а также ее активизации и расширения масштабов предпринимательства. Исходя из полученных в ходе опроса данных, нельзя с определенностью констатировать, в какой мере ресурс православия вовлечен в процесс стимулирования предпринимательства.

Возвращаясь к попытке объяснить отмеченный парадокс, обратим внимание на данные, указывающие на степень востребованности более «мягкого» варианта ответа, предложенного в анкете, а именно: «скорее да, чем нет». Речь идет о формулировках вариантов ответа на вопрос о стимулирующей роли православия, а в дальнейшем и других представленных в анкете религиозных доктрин и практик. Так вот, вариант «скорее да, чем нет» выбрали 32 % та-

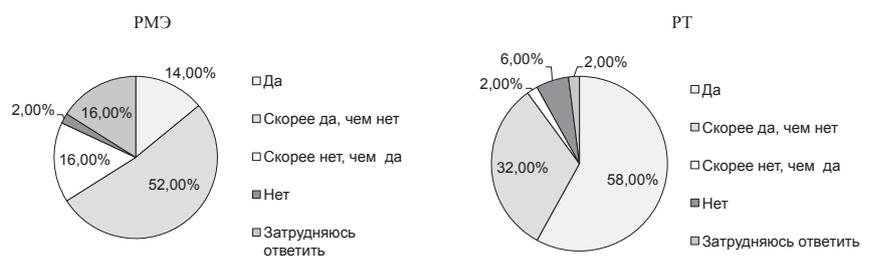

Рис. 1. Стимулирующий предпринимательство ресурс православия

тарстанцев и 52 % мариэльцев, принявших участие в опросе. Складываем объемы востребованности вариантов «да» и «скорее да, чем нет» и получаем следующие результаты. Стимулирующие развитие предпринимательства/рационального предпринимательства варианты ответов в сумме составляют 80 % (РТ) и 66 % (РМЭ).

Довольно высокий процент (16 %) мягко отрицательных ответов «скорее нет, чем да» в общей массе ответов респондентов из Марий Эл объясним меньшей, на наш взгляд, степенью развития в плане рационализации, активности и масштабов предпринимательства в среде мариэльцев. Пусть такое объяснение и покажется несколько субъективным.

Категорично отрицательные мнения «нет» по поводу стимуляции развития предпринимательства православием образовали незначительные меньшинства ответов (РТ – 6 % и РМЭ – 2 %), которыми вполне можно пренебречь, квалифицировав их как «выбросы данных».

Таким образом, результаты опросов показывают, что подавляющее большинство как татарстанских (4/5), так и мариэльских (2/3) участников опроса с той или иной степенью определенности придерживаются мнения, что православие позитивно влияет на развитие, активизацию, расширение масштабов и рационализацию предпринимательства.

Обратимся к анализу данных, касающихся стимулирующей роли ислама как фактора развития предпринимательства (рис. 2).

Как и ожидалось, оценки стимулирующей роли ислама, состоящей в создании благоприятных условий для развития, активизации, роста масштабов и повышения степени рационализации предпринимательства в РТ оказались намного более высокими, чем в РМЭ.

Объясним этот факт влиянием простого обстоятельства – несравнимо более широкими масштабами распространения ислама в Татарстане и, как следствие, приверженностью к исламской религии значительной части татарстанских респондентов. Вариант ответа «да» выбрали 50 % татарстанских и всего 6 % мариэльских участников опроса.

Однако при сложении «жестких» положительных оценок с оценками «мягкими» различие во мнениях стимулирующей роли ислама по отношению к развитию предпринимательства существенно снизилось – 86 % в РТ против 52 % в РМЭ. Однако разница по-прежнему осталась весьма значительной. Причина указана: большая степень распространения в Татарстане ислама и,

соответственно, большее число его приверженцев. Пожалуй, этим же обстоятельством следует объяснять наличие в подвергнутой опросу выборочной совокупности мариэльцев большого количества «затруднившихся с ответом» респондентов (38 %), слабо знакомых с вероучением и практикой ислама.

Соотношение татарстанских и мариэльских позитивных оценок, стимулирующих развитие предпринимательства роли католицизма составило примерно 3 к 1 в пользу первых (62 против 22 %) (рис. 3). Вместе с тем нельзя не заметить, что большой процент участников опроса, затруднившихся с выбором ответа на данный вопрос. В Марий Эл таких респондентов набралось почти 2/5 от общего числа участников опроса; в Татарстане – ровно пятая часть.

Позволим себе предположить, что приведенные результаты служат подтверждением того, что довольно много участников опроса просто-напросто «не владеют ситуацией», то есть не обладают достаточной осведомленностью о содержании хозяйственных принципов католического христианства, равно как и о характере влияния этих принципов на предпринимательскую деятельность католиков. Между тем в значительном большинстве стран, в частности, стран европейских, католическая религия не только не мешает развитию предпринимательства и хозяйственно-экономическому прогрессу в целом, но, наоборот, поощряет их.

Удивляет, что в оценках развивающей предпринимательство роли протестантизма мнения татарстанских и мариэльских участников опроса в двух номинациях разошлись почти диаметрально (рис. 4). Как позитивную определили эту роль 46 % респондентов из РТ, выбрав варианты ответов «да»

Рис. 2. Стимулирующий предпринимательство ресурс ислама

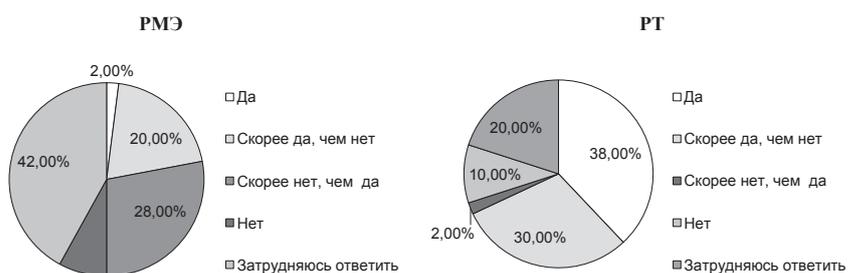

Рис. 3. Стимулирующий предпринимательство ресурс католицизма

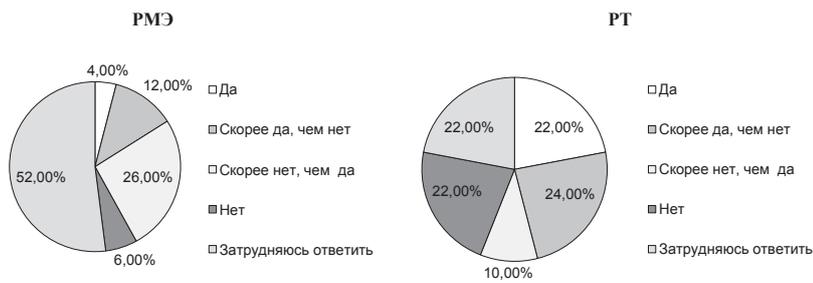

Рис. 4. Стимулирующий предпринимательство ресурс протестантизма

(22 %) и «скорее да, чем нет» (24 %). Среди респондентов из PMЭ таких оказалось всего 16 %. При этом только 4 % остановили свой выбор на варианте однозначно положительном варианте ответа «да». Те же самые тридцать пунктов разделили ответы татарстанцев и мариэльцев в номинации «затрудняюсь ответить»: 52 % против 22 %.

При таком раскладе мнений не приходится утверждать, что большинство респондентов из Марий Эл хоть сколько-нибудь знакомо с идеями М. Вебера. В общей сложности 84 % мариэловских участников опроса предпочли выбрать либо категорично отрицательные, либо скорее отрицательные варианты ответов, либо спрятались за формулировкой «затрудняюсь ответить».

Уровень адекватных представлений о сути концепции М. Вебера и, соответственно, о стимулирующий предпринимательство роли протестантизма татарстанских участников опроса оказался значительно выше уровня релевантных оценок респондентов из Марий Эл. Но и здесь планка категорично отрицательных, скорее отрицательных и неопределенных ответов оказалась довольно высокой (46 %).

Анализ полученных исследовательских данных в той их части, которая относится к оценке роли старообрядчества в развитии предпринимательства, вырисовывает довольно мрачную картину имеющихся на этот счет представлений как у татарстанских, так и у мариэловских участников опроса (рис. 5). У первых, правда, она выглядит не столь уж безысходной. Все-таки почти половина (44 %) респондентов-татарстанцев выбрали положительные варианты ответов – «да» (20 %) и «скорее да, чем нет» (24 %). Тогда как у вторых картина ответов имеет зловеще-замогильный оттенок. Свыше трех четвертей (78 %)

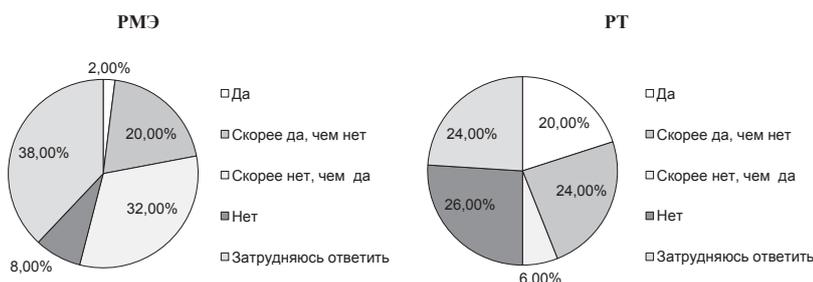

Рис. 5. Стимулирующий предпринимательство ресурс старообрядчества

мариэльцев предпочли остановить свой выбор либо на отрицательных вариантах ответа (40 %), либо от выбора определенного варианта ответа уклонились (38 %).

Подводя общие итоги анализа данных опроса, выскажем ряд соображений, которые могут показаться недостаточно обоснованными. Но даже если это и так, соображения дают пищу для ума и открывают

простор для размышлений. Соображение первое состоит в том, что участники опроса, как с татарстанской, так и с мариэльской стороны, имеют достаточно смутные представления о том, каков характер влияния религии на предпринимательскую деятельность людей. В особенности религиозных доктрин и практик католицизма, протестантизма и старообрядчества. Больше всего удивляет и вместе с тем тревожит «белое пятно» на том месте, где должны быть адекватные и четкие представления о стимулирующей предпринимательство роли старообрядчества. Возникает предположение, что участникам опроса неизвестен общеизвестный, казалось бы, факт, что значительную часть успешного предпринимательства дореволюционной России составляли именно старообрядцы. Причем старообрядческое предпринимательство достаточно активно и широко развивалось на территориях нынешних Татарстана и Марий Эл.

Соображение второе касается недооценки значительной частью участников опроса стимулирующей роли доктрин и практик католицизма и в особенности его модернизированного варианта протестантизма в становлении и развитии рационального предпринимательства, в веберовской интерпретации как предпринимательства формально-рационального, в Западной Европе и Северной Америке. Думается, что одной из причин таких недооценок является предвзятость и негативизм в отношении к западной культуре в целом, заметно усилившиеся в последние годы.

Соображение третье логичным образом вытекает из второго и заключается в известном преувеличении стимулирующей роли российских православия и ислама в развитии предпринимательства вообще и рационального, по М. Веберу, формально-рационального бизнеса, в частности. Нынешние доктрины и практики российских православия и ислама традиционны, с точки зрения теории модерна, и поэтому не могут быть эффективными стимуляторами становления и развития инновационных форм и видов предпринимательской деятельности, формально-рациональных по форме и содержанию.

Как бы то ни было, поставленная в статье проблема актуальна для наших дней, когда российское общество, пусть медленно и противоречиво, эволюционирует от традиционных форм жизнедеятельности к современным стандартам социального бытия. Своевременность и значимость требуют более масштабных, глубоких и основательных исследований проблематики, связанной с влиянием религиозных доктрин и практик на развитие инновационных форм и видов предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Религия – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 16.11.23).
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
4. Тюленев А.И. Теоретико-методологическое и эмпирическое измерение рационального предпринимательства (на материалах Республики Татарстан и Республики Марий Эл). – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2012. – 164 с.
5. Тюленев А.И. Религиозно-этические факторы рационализации предпринимательства (региональный аспект). – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – 168 с.

Religious Factors in the Development of Entrepreneurship (Based on Materials from a Survey of Student Youth in the Republics of Mari El and Tatarstan)

Tyulenev A.I.

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

Valeeva A.F., Safiullina F.R.

Kazan Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation

The article analyzes data from pilot studies conducted in November-December 2023 among students of the Volga State University by the Technological University and the Kazan Cooperative Institute on the problem of the relationship between Orthodoxy, Islam, Buddhism, Catholicism, Protestantism and the Old Believers, widespread in the Republics of Mari El and Tatarstan, with on the one hand, and entrepreneurial activity on the other. The main result of the analysis was the conclusion that survey participants were insufficiently aware of the nature and degree of influence of religious doctrines and practices on entrepreneurial activity, in particular, on the formation and development of formally rational entrepreneurship.

Key words: religious doctrines and practices, entrepreneurship, formal-rational business

